RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 23

St. Petersburg
2020

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 23

Санкт-Петербург
2020

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 23. 212 с.
ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2020.
No. 23. 212 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (зам. гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 23 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» публикуются аналитические разработки, основанные на материалах археологических исследований памятников эпохи энеолита и бронзы Средней Азии и Среднего Востока (статьи Н. Ф. Соловьёвой и Е. К. Блохина, Л. Б. Кирчо, В. А. Алёшкина), эпохи бронзы Предкавказья (работы А. В. Кияшко и О. П. Ларенок, А. Г. и А. А. Кожедуб) и Средневековья (статья А. В. Курбатова). Представлены также новые данные о материалах эпохи бронзы и Средневековья, полученные в результате использования методов естественных наук (работы Н. И. Шишлиной с соавторами, М. Т. Кашубы с соавторами, А. Н. Егорькова). Ряд работ посвящен публикации новых археологических материалов античности, Средневековья и Нового времени (статьи Р. В. Тихонова, Ф. Ш. Аминова, К. В. Горлова и В. И. Кильдюшевского). С. В. Белецкий продолжает серию аналитических публикаций древнерусских княжеских знаков. В разделе «Из истории науки» представлены очерк Ю. Г. Кутимова по истории исследований А. М. Мандельштамом памятников Средней Азии и обзор зарубежной литературы XX в. по проблемам изучения «Сибирской Скифии» (А. В. Субботин). На материалах Научного архива ИИМК РАН воссозданы научная биография выдающегося отечественного архитектора и реставратора Н. М. Бачинского (Н. А. Лазаревская и М. В. Медведева) и эпизод работ А. Н. Карасёва, вероятно, связанный с проектом Таманской экспедиции А. А. Миллера (заметка Ю. А. Виноградова). В новом разделе «Перспективы развития археологии» публикуется статья В. Д. Нечаева с соавторами, посвященная анализу и оценке мирового опыта внедрения цифровых технологий в археологические исследования. Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 23rd issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents the results of recent studies and discoveries in archaeology and ancient history. The section of Research Papers contains analytical works devoted to the materials of the Eneolithic and Bronze Age sites of the Middle East and Central Asia (papers by N. F. Solovyova with J. K. Blokhin, L. B. Kircho, V. A. Alekshin), Bronze Age sites of the Fore-Caucasus (works by A. V. Kiyashko with O. P. Larenok, A. G. and A. A. Kozhedub) and Medieval sites of East Europe (A. V. Kurbatov). N. I. Shishlina with coauthors, M. T. Kashuba with coauthors, and A. N. Egor'kov use methods of natural science to obtain new data on the Bronze Age and Medieval materials. Several papers present new archaeological materials dating from the Classical and Medieval periods and the Modern Era (R. V. Tikhonov, F. Sh. Aminov, K. V. Gorlov with V. I. Kildyushevsky). S. V. Beletsky continues his series of analytical publications dealing with Old Russian seals and princely symbols. The section “From the History of Science” consists of an essay on the history of A. M. Mandelshtam's expeditions in Central Asia (Yu. G. Kutimov) and an overview of foreign literature of the XX c. related to the study of “Siberian Scythia” (A. V. Subbotin). Based on the materials of the Scholarly Archive of IHMC RAS, N. A. Lazarevskaya and M. V. Medvedeva describe the research career of an outstanding architect and restorer N. M. Bachinsky, while Yu. A. Vinogradov uses the archive materials to reconstruct an episode of A. N. Karasev's works in the Caucasus. The new section “Future Prospects of Archaeology” contains a paper by V. D. Nechaev with coauthors devoted to the analysis and assessment of world experience of introduction of digital technologies in archaeological research. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СТАТЬИ

ОГОНЬ В ЖИЗНИ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА¹

Н. Ф. СОЛОВЬЁВА, Е. К. БЛОХИН²

Ключевые слова: Южный Туркменистан, ранние земледельцы, энеолит, огонь, ритуал, домохозяйство.

В статье предлагается типология мест разведения огня из памятников ранних земледельцев Южного Туркменистана эпохи энеолита. Проанализирован большой корпус данных, накопленных за последние 100 лет изучения региона, намечены направления дальнейшей интерпретации полученных материалов.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-9-23

Введение

Овладение огнем — едва ли не самое главное достижение человечества на пути становления цивилизации. Приготовление пищи, возможность изготовления керамических изделий, металлургия и, наконец, просто, вне зависимости от погоды и времени, тепло и свет в жилищах — все это стало возможным исключительно после овладения способом добывать огонь и конструировать сооружения для его использования в различных целях. С момента освоения способа добывать огонь самостоятельно он прочно вошел в жизнь человека и стал, с одной стороны, его верным спутником на пути улучшения условий жизни, совершенствования жилища и освоения ремесел, а с другой стороны, и одним из самых злейших и опаснейших врагов, способных уничтожить и жилище, и самого человека. Именно эта двойственность огня, необходимость его постоянного присутствия в жизни человека и, зачастую, неспособность человека быстро и без потерь обуздать эту стихию сформировали в мифологическом мировосприятии первобытного человека особое отношение к огню. Этнографические данные свидетельствуют о том, что практически у всех народов существуют мифы о происхождении огня, его грозной уничтожающей силе, его целительных и очищающих свойствах, о домашнем очаге.

Однако рассматриваемая в настоящей работе бесписьменная эпоха не оставила записей мифов, в соответствии с которыми строилась вся жизнь общества ранних земледельцев Южного Туркменистана, отделенного от нас рядом глубоких

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Отдел охранный археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

этнокультурных трансформаций. «Между современным обществом Южного Туркменистана и обществом V–III тыс. до н. э. на той же территории есть лишь одна явная линия преемственности — в физическом типе людей. Все остальное отличается — порою разительно. Изучение древнего общества в подобных случаях является тем, что американцы любят именовать challenge (вызов), ибо здесь требуется реконструировать не просто еще одну вымершую культуру, но неизвестный культурный тип» (Берёзкин, Соловьёва 1996: 103).

В силу вышесказанного авторы статьи имели в своем распоряжении только археологические данные, предоставляющие лишь малую толику материальной стороны обрядовых действий, явно недостаточную для корректного воссоздания существовавших в рассматриваемом обществе ритуалов в целом и связанных с огнем в частности. Поэтому, называя статью «Огонь в жизни ранних земледельцев Южного Туркменистана», авторы предполагали рассмотреть места разведения огня и связанные с ними конструкции исключительно с археологической точки зрения, практически не касаясь обрядовых действий, в которых использовался огонь или посвященных культу огня.

Многолетние археологические исследования поселений ранних земледельцев на территории Южного Туркменистана позволили накопить существенный объем ценной информации, позволяющей исследователям частично воссоздать материальную сторону повседневной жизни раннеземледельческих обществ региона. Одной из важнейших составляющих ежедневного быта человека и жизни общества в целом является обращение с огнем: в археологии это обнаруживаемые на поселениях кострища и пожары, печи и очаги, скопления золы и обугленные предметы. Практически с самого начала исследований ученые обращали особое внимание на находимые на каждом памятнике остатки конструкций, связанных с разведением огня, в результате чего аккумулировался массив данных, позволивших создать типологии очагов³, а недавние открытия двух уникальных прекрасно сохранившихся двухчастных печей (Соловьёва 2018: 16; 2019: 148) в горизонте периода раннего энеолита поселения Йылгынлы-депе⁴ и их прямых аналогий (Schönicke 2019: 173) на поселении Монджуклы-депе в восточной области подгорной полосы Копетдага невольно заострили внимание авторов на практиках обращения с огнем, распространенных в этом регионе в эпоху энеолита.

Открытие указанных сооружений стало для авторов естественным толчком к сбору археологических материалов, касающихся любых мест разведения огня. Основным источником стали современные раскопки Йылгынлы-депе и Монджуклы-депе, опубликованные результаты и доступные в архивах полевые отчеты исследований, проведенных на территории современного Туркменистана в XX в. К сожалению, уровень фиксации и хранения документации о результатах исследований первой–третьей четвертей XX в. либо не позволяет уточнить многие детали

³ Основной накопленный массив данных был опубликован в 1960-е гг. (Хлопин 1960 (1961); 1963; 1964; 1969; Сарияниди 1965), первые попытки интерпретировать полученные свидетельства появились тогда же (Сарияниди 1963), из недавних работ обзор очагов эпохи неолита–палеометалла см.: Кирчо 2015.

⁴ В отечественной литературе памятник ранее назывался Илгынлы-депе (Ilgynly-depe). Авторы используют название в соответствии с произношением в туркменском языке.

Рис. 1. Карта Южного Туркменистана с указанием памятников, упомянутых в тексте: 1 — Айна-депе; 2 — Акча-депе; 3 — Геоксюр 1; 4 — Геоксюр 7; 5 — Дашлыджи-депе; 6 — Муллали-депе; 7 — Чонг-депе; 8 — Ялангач-депе; 9 — Северный холм Анау; 10 — Джейтун; 11 — Ыылгынлы-депе; 12 — Монджуклы-депе; 13 — Яссы-депе. На врезке показаны поселения Геоксюрского оазиса в древней дельте Теджена

Fig. 1. Map of South Turkmenistan showing the location of sites mentioned in the text: 1 — Aina-depe; 2 — Akcha-depe; 3 — Geoksyur 1; 4 — Geoksyur 7; 5 — Dashlydji-depe; 6 — Mullali-depe; 7 — Chong-depe; 8 — Yalangach-depe; 9 — Northern hill of Anau; 10 — Djeitun; 11 — Ylgynly-depe; 12 — Mondjukly-depe; 13 — Yassy-depe. The inset shows the settlements of the Geoksyur oasis in the ancient delta of the Tedjen river

обнаруженных тогда объектов, либо информация просто утрачена. Всего в сферу внимания авторов попали 265 мест разведения огня (из них более 100 происходят из раскопок поселения Ыылгынлы-депе, около 50 — из небольших по площади раскопок поселения Монджуклы-депе и лишь немногим более 100 описаний мест разведения огня удалось добыть авторам из материалов исследований других изученных в регионе раннеземледельческих поселений).

Хронологически анализируемые в статье объекты относятся преимущественно к периодам раннего и развитого энеолита (времени Намазга I и II). В качестве аналогий и сравнительного материала привлечены сооружения неолитического времени и ряд более поздних объектов. Географически в сферу интересов авторов попали материалы исследований большинства памятников подгорной полосы Копетдага (рис. 1), однако особое внимание уделялось восточной группе памятников, в силу ее близости к объекту непосредственного научного интереса авторов — поселению Ыылгынлы-депе.

При работе над типологией авторы неизбежно столкнулись с проблемами дефиниций. Прежде всего необходимо отметить, что на «бытовом» уровне все исследователи достаточно вольно используют термины «печь», «печка» или «очаг», причем последний используется особенно часто, практически для всех конструкций, связанных с разведением огня. Зачастую очагом может называться даже небольшое закрытое сооружение, а иногда эти определения входят в классику научной литературы (как в случае с печами неолитического поселения Джейтун, повсеместно называемыми «очаги-камины» — Массон 1971: 38, 49). Изучив проблему, авторы осознали, что русский язык не дает короткого и емкого определения, которое охватывало бы все многообразие исследуемых объектов. В англоязычной археологии устоялся термин *fire installations*, ближайшим вариантом которого в русском языке — «места разведения огня» — и были вынуждены воспользоваться авторы при анализе объектов, поскольку оно нейтрально, не вычленяет и заранее не категоризирует признаки, но позволяет обобщенно описать практически любое сооружение, связанное с разведением и использованием огня человеком, — от следов костра до сложного очага и производственной печи.

Работая над типологией, авторы стремились отказаться от заведомо общепринятых интерпретаций, не касались, как уже отмечалось выше, семантической нагрузки предмета исследований, а опирались прежде всего на очевидные внешние формальные признаки: форму конструкции, детали устройства и положение объекта в пространстве архитектурного объема. Учитывался и более широкий контекст — особенности оформления конкретного архитектурного объема, его расположение на поселении, характеристика слоев заполнения в непосредственной близости от места разведения огня.

В основе выстроенной таким образом типологии лежит очевидное разделение на три базовых типа, которые, в свою очередь, на основании конкретных признаков, делятся на подтипы (рис. 2).

Тип I — массивные конструкции закрытого типа (печи)

Имеют прямоугольную или подовальную в плане форму и камеры; располагаются как в помещениях, так и во дворах. Конструкции различаются размерами и качеством отделки фасадов, массивностью сооружения и количеством камер, местом нахождения и длительностью использования, но объединяет их, прежде всего, наличие очень высокой степени прокала. Очевидно, что сама форма закрытого сооружения изначально нацелена на достижение стабильно высокой температуры. Здесь выделяются три подтипа.

1.1. Двухчастные массивные прямоугольные печи. Устройство печей удивительно однотипно, что ярко выражается в описаниях разных исследователей, зачастую использующих одни и те же формулировки. В основании всегда есть мощная прямоугольная платформа из сырцовых кирпичей, поднимающая печь над обитаемой поверхностью. В печи две камеры, разделенные тонкой, слегка изогнутой глиняной перегородкой, не достигающей до свода печи. Камера для горения топлива обычно располагается ниже, в то время как камера для обжига предметов (часто вымощенная галькой) поднята выше. К сожалению, в силу традиции многослойных тельей разрушать отслужившие свой срок строения ради возведения новых, лишь у некоторых из исследованных печей сохранились верхние части конструкции. Устья

Рис. 2. Схема типов мест разведения огня. Схемы выполнены на основании полевых чертежей авторов и чертежей (Schönicke 2019)

Fig. 2. Scheme of the types of fire-making places based on the authors' field drawings and drawings published in (Schönicke 2019)

камер (там, где они сохранились) оформлены в виде арочных проемов и, в случае йылгынлыных печей (Соловьёва 2019: 155), снизу дополнительно оформлены валиками-налепами. Фасады печей практически всегда тщательно обмазаны слоями чистой глины, иногда выкрашены в черный и белый цвета, но только на фасадах печей Йылгынлы-депе обнаружен сложный рельефный декор (рис. 3, 1, 2). В архитектурном объеме печи чаще всего располагались слева от входа, в углу помещения, хотя есть некоторые исключения, связанные отчасти с плохой сохранностью стен помещения, но в ряде случаев объективно зафиксированные.

Обитатели поселений подгорной полосы Копетдага достаточно часто на протяжении длительного времени сооружали печи этого подтипа. Кроме Йылгынлы-депе они зафиксированы как на раннеэнеолитических памятниках (на Монджуклы-депе — пять объектов, включая печь, исследованную А. А. Марущенко и опубликованную В. И. Сарияниди (рис. 3, 4 — Сарияниди 1963: 83), а также четыре печи из раскопок немецкой экспедиции (рис. 3, 3 — Schönicke 2019: 173, 177, 178, 180); на Яссы-депе подобная печь была открыта Б. А. Куфтиным в помещении

Рис. 3. Двухчастные печи: 1, 2 — Йылгынлы-депе, горизонт VII; 3, 4 — Монджуклы-депе (3 — по: Schönicke 2019: fig. 6.7; 4 — по: Сарианиди 1963: рис. 31, 2); 5а, 5б — Акча-депе (по: Хлопин 1964: рис. 3; 4, 2)

Fig. 3. Two-part ovens: 1, 2 — Ylgynly-depe, horizon VII; 3, 4 — Mondjukly-depe (3 — after Schönicke 2019: Fig. 6.7; 4 — after Сарианиди 1963: fig. 31, 2); 5а, 5б — Akcha-depe (after Хлопин 1964: fig. 3; 4, 2)

с настенной росписью и многочисленными остатками хумов (Куфтин 1956: 274); на Северном холме Анау — две печи, последовательно сменяющие друг друга, причем одна была встроена в стену помещения (Hiebert et al. 2003: 44–45)), так и на более поздних поселениях времени Намазга II (Акча-депе (рис. 3, 5), Ялангач-депе, Мул-лали-депе, Айна-депе, Геоксюр 7 (Сарианиди 1963: 80; Хлопин 1964: 15, 24)). Двух-частная массивная печь известна и из слоев времени Намазга II Йылгынлы-депе (Берёзкин, Соловьёва 1998: 113, рис. 14).

И. Н. Хлопин прямо называет такие печи «типичными для этого времени очагами» (Хлопин 1964: 46). Этот подтип печей сохраняется почти неизменным вплоть до геоксюрского периода времени раннего Намазга III — подобная печь исследована В. И. Сарияниди на самом Геоксюре (Сарияниди 1963: 81; 1965: 11). Наконец, стоит отметить, что у описанного подтипа имеются миниатюрные братья-близнецы — небольшие печки точно такого же устройства исследованы в помещениях IV и VII строительных горизонтов Йылгынлы-депе (Соловьёва 2005: 46; 2018: 25).

Что касается функционального назначения таких печей, то здесь среди исследователей нет единства мнений. И. Н. Хлопин, опираясь на характер заполнения помещений, в которых располагались ялангачские очаги, описывает их как бытовые (Хлопин 1964: 77). В. И. Сарияниди считал их производственными и предназначенными для обжига керамики (Сарияниди 1963: 80). Н. Ф. Соловьёва, исходя из археологического контекста мастерской Йылгынлы-депе, где находились печи, также интерпретирует их как производственные, но предназначенные для обжига мелкой глиняной пластики (Соловьёва 2019). Анализируя места разведения огня на Монджуклы-депе Юлия Шёнике связывает двухчастные печи поселения с «вялением, копчением, сушкой и жаркой», то есть с тепловой обработкой мяса для длительного хранения (Schönicke 2019: 164, 173). Если развить тезис Ю. Шёнике о том, что «тип не равен функции», то можно допустить региональные различия и предположить, что описываемый подтип печей в Геоксюрском оазисе мог быть связан с обработкой пищи, а в регионе Меана-Чаача использовался преимущественно для обжига небольших керамических изделий. Однако, исходя из главного тезиса для выделения подтипа I.1 — стремления создателей печей к достижению стабильно высокой температуры, авторы полагают, что прежде всего обитатели поселений создавали такие сложные конструкции для производственных нужд (обжига глиняных изделий), но вполне допустимо и многофункциональное использование печей: параллельно с обжигом поделок жители поселений вполне могли использовать их для приготовления пищи и, как следствие, для обогрева помещения.

Печи этого подтипа, несомненно, наследуют однокамерным джейтунским «каминам». Уже на самом поселении Джейтун был обнаружен один очаг с двухчастным оформлением — правда, развернутым относительно описываемого типа печей на 90°, — отделение для выгребания золы (и, судя по прокалу, углей) сделано непосредственно перед топочной камерой (Массон 1971: 20), то есть идея двухчастной печи уже появляется и находит некоторое применение.

I.2. Прямоугольные массивные одночастные очаги. Сложены из поставленных на торец рядов кирпичей, иногда отгорожены от помещения стенкой, равной по толщине стенам помещения. Под очагов приподнят над уровнем обитаемой поверхности на толщину уложенного в основании одного слоя сырцовых кирпичей — примерно на 15 см. Устье расположено во внешнем углу на стыке двух стенок очага. Особенности перекрытия (и сам факт его наличия) очагов этого подтипа однозначно археологически не зафиксированы, однако мощность стенок и степень прокала позволяют говорить о закрытой форме таких конструкций, возможно, имевших некое подобие свода. Такие очаги исследованы, прежде всего, в слоях времени Намазга I поселения Дашлыджи-депе (Хлопин 1960 (1961): 141–144), изредка встречаются на Монджуклы-депе (Bernbeck, Pollock 2016: 77), но известны и в более поздних памятниках времени Намазга II — Ялангач-депе, Муллали-депе и Йылгынлы-депе (Хлопин 1964: 25, 31; Массон 1989: 16). Размеры печей и их расположение

Рис. 4. Печи-тандыры: 1 — Ыылгынлы-депе, горизонт V; 2 — Монджуклы-депе (по: Schönicke 2019: fig. 6.22)

Fig. 4. Tandoors: 1 — Ylgynly-depe, horizon V; 2 — Mondjukly-depe (after Schönicke 2019: fig. 6.22)

в архитектурном объеме аналогичны подтипу I.1. Вполне допустимо рассматривать печи описываемого подтипа как промежуточные между джейтунскими «каминами» и двухчастными печами, использовавшимися в основном в качестве бытового очага для приготовления пищи и обогрева помещения.

I.3. Крупная подокруглая или подовальная печь со сводом типа тандыра. У большинства исследованных печей этого подтипа хорошо зафиксированы фрагменты разрушенного свода (рис. 4). Они расположены в хозяйственных дворах и, судя по многочисленным фаунистическим остаткам на поверхности дворов вблизи печей, предназначались для приготовления мясной пищи. Известны, прежде всего, из верхних слоев Монджуклы-депе (Schönicke 2019: 180, Fig. 6.22) и строительного горизонта V Ыылгынлы-депе (рис. 4, 1). Исходя из расположения между домами на больших открытых дворовых пространствах, вполне допустимо рассматривать эти конструкции как предназначенные для сложных операций тепловой обработки туши животного для употребления ее в пищу несколькими домохозяйствами.

Тип II — открытые очаги

Предназначены либо для тепловой обработки продукта только с одной стороны (снизу), либо исключительно для возжигания огня (чаще всего ритуального, поскольку очень слабый прокол лунки для огня свидетельствует о невозможности вскипятить на нем воду или обогреть с помощью такого очага даже маленькое помещение). Очаги очень разные по форме, размерам и расположению в архитектурном объеме, но все объединяет наличие специального оформления, четко выделяющего их в окружающем пространстве (рис. 5).

Сюда можно отнести десятки различных форм, которые с некоторым допущением можно разделить на шесть подтипов, учитывающих ключевые особенности этих сооружений.

II.1. Прямоугольные массивные двухчастные «жаровни», изученные на таких памятниках Геоксюрского оазиса периода развитого энеолита (времени Намазга II), как Ялангач-депе, Айна-депе, Акча-депе, Муллали-депе (Хлопин 1964: 16, 21, 24, 31, 41) и в ялангачских слоях Ыылгынлы-депе. Описываются И. Н. Хлопиным как глинобитные платформы-подиумы $1,95 \times 1,05$ м, разделенные валиком на две части,

Рис. 5. Открытые очаги: 1, 2 — дисковидные очаги; 3 — угловой очаг; 4 — подковообразный очаг; 5 — двоянный очаг в лунках; 6 — простой очаг в лунках. 1 — Ыылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт III; 2 — Чонг-депе (по: Сарияниди 1965: рис. 9); 3 — Ыылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт VII; 4–6 — Ыылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт II

Fig. 5. Open hearths: 1, 2 — disc-shaped hearths; 3 — angular hearth; 4 — horseshoe-shaped hearth; 5 — two-fold hearth in small holes; 6 — simple hearth in small holes. 1 — Ylgynly-depe, trench 3, horizon III; 2 — Chong-depe (after Сарияниди 1965: fig. 9); 3 — Ylgynly-depe, trench 3, horizon VII; 4–6 — Ylgynly-depe, trench 3, horizon II

одна выше, другая ниже (одна часть поднималась, видимо, в результате постоянных промазок-ремонтов) (Там же: 31). «Жаровни» сооружались на платформе из одного или нескольких слоев плоско уложенных сырцовых кирпичей. Обычно на одной (более низкой) части отмечаются следы огня, в то время как на другой их почти нет. В двух случаях на прокаленной части фиксировалась лунка с золой (либо сильно прожженный круг) (Там же: 31, 41). На одном объекте сохранились стоявшие по углам глиняные столбики (Там же: 16). Размещались «жаровни» чаще справа от входа, в дальней четверти помещения, как правило на некотором расстоянии от всех стен, но иногда могли быть пристроены к стене широкой стороной. Авторы склонны рассматривать этот подтип очагов как бытовой, предназначенный, возможно, для выпечки тонкого хлеба, подобного лавашу.

II.2. Дисковидный очаг-жертвенник. Круглое слегка возвышающееся над окружающей поверхностью сооружение диаметром до 1,5 м, с тщательно вылепленными тонкими бортиками и неглубокой лункой для огня (5–23 см в диаметре). В археологической литературе за этим подтипом очагов прочно закрепилось определение «геоксюрского типа», поскольку они, в основном, были исследованы в 1960-х гг. в геоксюрских слоях поселений Геоксюр 1, Чонг-депе, Айна-депе, Геоксюр 7 (Хлопин 1964: 41, 89; Сарияниди 1965: 11–13), но позднее такие очаги были

обнаружены и в ялангачских слоях Йылгынлы-депе, начиная со строительного горизонта IV раскопа 3 (Массон 1987: 4, 11; Соловьёва 2005: 52, 53, 55, 65, 67, 68, 71, 84). Следует отметить, что разница в конструкции очагов состоит в том, что со временем бортики очагов становятся более высокими и четкими.

II.2a. Вариант подтипа II.2. Семантически близкие дисковидным очагам-жертвенникам и обнаруженные в более ранних слоях Йылгынлы-депе очаги (Соловьёва 2005: 37, 41–43, 72–74), у которых отсутствует четко выраженный диск, а есть просто небольшая лунка, в которой разводился огонь. Лунки таких вариантов очагов всегда были слабо прокалены и непременно «закрыты» по окончании использования либо камнем, либо глиняным диском, либо камнем, который был обмазан глиной и выкрашен в черный или красный цвет.

II.2б. Вариант подтипа II.2. Крупный дисковидный очаг с широкими бортиками, но без лунки в центре встретился лишь один раз на Монджуклы-депе (Schönicke 2019: 172, fig. 6.11). Чистый, без большого количества золы вокруг, но с достаточно сильным прокалом по всей поверхности. Архитектурный контекст объекта неясен, однако в силу схожести конструкции и наличия отличительных особенностей выделен авторами в отдельный вариант подтипа.

Уже само название «очаги-жертвенники» говорит о единстве взглядов исследователей на назначение дисковидных очагов. Прежде всего, в пользу их ритуального назначения свидетельствует расположение в архитектурном объеме — такие очаги всегда находились в помещениях с высокой семантической значимостью: так, на Йылгынлы-депе дисковидные очаги — неперенный атрибут святилищ с красными скамьями (Берёзкин, Соловьёва 1998: 90). О возжигании огня в ритуальных целях свидетельствует и слабый прокал лунки, и почти полное отсутствие золы в ней. То есть огонь был такой мощности и горел столько времени, сколько было необходимо для совершения обрядового действия, но абсолютно недостаточно для обогрева помещения или приготовления пищи. Более того, о том, что на таких очагах не готовили еду, говорит и абсолютное отсутствие бытового (кухонного) мусора на полу помещений, в которых они находились.

II.3. Прямоугольный небольшой открытый очаг, чаще всего пристроенный к стене двора или комнаты. Имеет или не имеет переднюю стенку, может быть сооружен из нескольких сырцовых кирпичей или наскоро слепленного глиняного валика. Различаются по продолжительности существования и тщательности отделки, но в любом случае это быстро, «по необходимости», сооруженная конструкция, не требующая существенных трудозатрат (Хлопин 1960 (1961): 143; Соловьёва 2007: 8; Schönicke 2019: 174).

II.3a. Вариант подтипа II.3. Угловой подокруглый или прямоугольный открытый очаг, встречаемый как во дворах, так и в углах помещений.

Такие очаги достаточно широко распространены во времени и присутствуют на многих памятниках региона: например, Монджуклы-депе, Дашлыджи-депе, Ялангач-депе (Куфтин 1956: 270; Хлопин 1960 (1961): 142, 143; Schönicke 2019: 176), Йылгынлы-депе. Совершенно очевидно их быстрое, достаточно небрежное сооружение в бытовых целях: для обогрева или приготовления пищи.

II.4. Подковообразный очаг. Все очаги этой формы имеют небольшие размеры, встречаются чаще в хозяйственных дворах либо в слоях засыпки помещений, не пристроены к стенам. Очевидно, это самая простая форма, защищающая огонь от ветра. Такие очаги могли сооружаться и использоваться стихийно, по мере

возникающей необходимости, достаточно было слепить из всегда имеющейся под рукой глины подковообразный валик. Неоспоримо, что изготовление такой конструкции вообще не требует никаких навыков и выполняется моментально для любых бытовых нужд (Хлопин 1964: 30; Соловьёва 2007: 6, 8).

II.5. Небольшой очажок в ямке или лунке без дополнительных конструкций. Чрезвычайно распространенный подтип очага в помещениях и во дворах, несомненно, преобладал бы над всеми другими, если бы все подобные формы тщательно документировались (Schmidt 1908: 95; Хлопин 1964: 85; Сарияниди 1965: 10). В домах мог функционировать как отопительный очаг-санда. На Монджуклы-депе есть очаг такого типа с глиняной крышкой, устроенный в платформе и, по предположению авторов раскопок, вероятно, предназначенный для хранения горячих углей (Bernbeck, Pollock 2016: 77). Во дворах такие ямки-очаги иногда имеют более высокую степень прокала и, возможно, могли использоваться не только для хранения углей, но и для разжигания костров, на которых готовили пищу. Зачастую с такими дворовыми ямками-очагами связаны узкие вдавления (столбовые ямки от каких-то временных конструкций вокруг очага).

II.5a. Вариант подтипа II.5. Один из вариантов этого подтипа описал Х. Шмидт при раскопках Северного холма Анау (Schmidt 1908: 88) — ямки для огня, в которые были вмазаны фрагменты керамических сосудов, причем использовавшиеся так долго, что поверх одного пришедшего в негодность сосуда вмазали новый.

Очаги этого подтипа авторы сознательно не объединили с *вариантом подтипа II.2a*, поскольку очаги-ямки подтипа II.5 очевидно бытового назначения и располагались в хозяйственных комнатах и дворах, то специальным образом закрытые после завершения процесса горения очень слабого огня лунки обнаружены лишь в помещениях высокой семиотической значимости.

II.6. Сдвоенные очаги в ямках. Такие очаги, возможно, представляют собой специфический вариант подтипа II.5, выявленный в слоях геоксюрского времени на памятниках Геоксюрского оазиса (Геоксюр 1, Чонг-депе — Сарияниди 1965: 10–13) и однажды встреченный в верхних слоях поселения Йылгынлы-депе. В. И. Сарияниди называет эти двойные очаги отопительными, или бытовыми, и на основании их находок интерпретирует помещения как жилые (Там же: 13). Авторы воздерживаются от интерпретации описываемых конструкций в силу ограниченности информации.

Тип III мест разведения огня

Это именно место разведения огня — то есть костры, разжигаемые на обитаемой поверхности, в которых площадь, предназначенная для огня, не ограничена от окружающего пространства никакими архитектурными средствами (рис. 6). Здесь выделяются два подтипа.

III.1. Небольшие пятна прокала, фиксируемые возле стен или в центре хозяйственных дворов, часто встречаются на разных уровнях слоев засыпки помещений — очевидно, самый «временный» и самый «быстрый» из всех описанных типов, возникающий, когда необходимо с какой-либо целью развести огонь. Иногда с такими пятнами прокала связаны ямки от воткнутых в землю временных конструкций (Соловьёва 2007: 6–8; 2014: 153; Schönicke 2019: 167–168).

III.2. Крупные пятна прокала. От маленьких хозяйственных костерков принципиально отличаются большие масштабные костры, разводимые

Рис. 6. Ыылгынлы-депе, раскоп 3, пятна прокала от костров: 1–3 — небольшие пятна, горизонты I и VII; 4, 5 — большие костры, горизонт VII

Fig. 6. Ylgynly-depe, trench 3 — calcined spots of fires: 1–3 — small spots, horizons I, VII; 4, 5 — big fires, horizon VII

во дворах на самых ранних обитаемых поверхностях. Обычно расположены в центре двора, иногда в одном из его углов, но достаточно далеко от стен построек, чтобы не обжечь сильным пламенем поверхность стены (Соловьёва 2005: 38; 2014: 141; Schönicke 2019: 173, 176). Фиксируются такие пятна прокала чаще всего на самых первых поверхностях функционирования домохозяйств. В свите «святилищ» раскопа 3 поселения Ыылгынлы-депе следы больших костров обнаружены между горизонтами на слое выравнивания, возникавшем после разрушения старого домохозяйства перед возведением нового, и на самой первой поверхности нового двора, то есть совершенно очевидно, что такие костры связаны с обрядовыми действиями при возведении нового жилища и/или обживании только что построенного. В некоторых кострах фиксируются связанные с горящим огнем своеобразные прямоугольные одно- или двухчастные (иногда крестовидные) сырцовые конструкции, занимающие намного меньшую площадь, чем само пятно прокала, что не позволяет применить к ним обозначение «очаги». В некоторых случаях выявлена геометрически ровная форма пятен прокала (рис. 6, 5). Возможно, эти конструкции сооружались до возжигания огня в костре и были частью каких-то обрядовых действий.

Выводы

К сожалению, функциональное назначение большинства описанных сооружений можно установить лишь гипотетически (не сделаны химические и палеоботанические анализы микроостатков, сохранившихся между промазками), не говоря уже о ритуальном использовании огня — темы, которой авторы (в силу ограниченности археологических источников) практически не касались при создании типологии очагов. Тем не менее следует отметить, что в процессе анализа материала сложились новые или подтвердились высказанные ранее авторами или другими исследователями идеи о предназначении различных типов мест разведения огня.

Безусловно, самыми широко распространенными и используемыми и в бытовых (приготовление пищи, источник света и тепла), и в ритуальных (явление огня как высшей силы) целях являются оба подтипа III типа, которые присутствуют практически во всех слоях всех рассматриваемых памятников региона от неолита до поздней бронзы и сосуществуют со всеми остальными типами мест разведения огня.

Самыми сложными, предназначенными в первую очередь для производственных нужд, а уж параллельно, вероятно, использовавшимися и в бытовых целях (приготовление еды и обогрев жилища) были двухчастные массивные прямоугольные печи — подтип I.1. Вероятно, можно говорить о том, что эти печи не использовали в обрядах, связанных с огнем или посвященных огню, хотя сам процесс обжига изделий наверняка сопровождался определенными ритуалами, как любое действие членов общины, где сакральное и профанное тесно переплетены. Печи этого подтипа пока известны преимущественно в восточном регионе Южного Туркменистана.

Несомненно, исключительно в ритуальных целях возводились и использовались обитателями раннеземледельческих поселений региона периодов Намазга II и раннего Намазга III дисковидные очаги-жертвенники — подтип II.2. Самыми непонятными с точки зрения использования пока остаются прямоугольные массивные двухчастные «жаровни» — подтип II.1. Остальные подтипы, вероятнее всего, сооружались и использовались для различных бытовых нужд.

В заключение хочется отметить, что предложенная авторами предварительная типология огромного массива мест разведения огня (далеко не всегда хорошо раскопанных и задокументированных), обнаруженных на памятниках подгорной полосы Копетдага и Геоксюрского оазиса периодов Намазга I и Намазга II, основанная исключительно на внешних признаках — конструктивных особенностях и расположении в архитектурном объеме, — лишь малая толика среди бесконечного многообразия тем, связанных с использованием огня ранними земледельцами.

Поскольку название статьи «Огонь в жизни ранних земледельцев Южного Туркменистана», подводя итог, нельзя обойти вниманием еще одно фиксируемое на многих первобытных памятниках региона и, прежде всего, тщательно задокументированное на Йылгынлы-депе использование огня жителями поселений — речь идет о явно ритуальном огне в обряде, связанном с прекращением функционирования ритуальных комплексов. Так, многие крупные святилища Йылгынлы-депе были намеренно сожжены. Для этих целей на полу раскладывали плотный слой веток и его поджигали. Огонь был настолько силен, что сырцовые стены помещений местами прокалились на 10 см в глубину. Особенно отчетливо это зафиксировано в комплексе 26/III-3⁵

⁵ Первая цифра соответствует номеру помещения, через косую линию указан строительный горизонт, а через дефис — номер раскопа, то есть 26/III-3 обозначает помещение 26 горизонта III раскопа 3 Йылгынлы-депе.

(Берёзкин, Соловьёва 1998: 97); следы, вероятно, намеренного сожжения отмечены в комплексах 10/IV,III-5, 26/IV,III-5, парадном дворе комплекса 59/II-4 и еще в ряде случаев (Там же: 104, 113). Здесь следует вспомнить, что аналогичные следы вероятного намеренного сожжения выявлены В. И. Сарияниди в так называемом культовом здании Геоксюра 1 (Сарияниди 1965: 10). После устроенного пожара общинники разбирали стены сгоревшего отслужившего свой срок культового комплекса и готовили площадку для возведения нового, и во время засыпки и забутовки руин вновь неоднократно разводили ритуальный огонь — свидетельством этому являются многочисленные маленькие очажные ямки, обнаруженные на разных уровнях заполнения помещений 47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3 и 59/II-4. По мнению авторов, данный контекст вкупе с огромными кострами, разводимыми во дворах на самых ранних обитаемых поверхностях (подтип III.2), однозначно свидетельствует о наличии у первобытных земледельцев подгорной полосы Копетдага развитого культа огня, тесно связанного с жилищем, его возведением, «жизнью» и «умиранием».

Литература и источники

- Берёзкин, Соловьёва 1996 — *Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф.* Символы власти в акефальном обществе. Скамьи, кресла и бык на юге Центральной Азии // Попов В. А. (отв. ред.). Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 102–118.
- Берёзкин, Соловьёва 1998 — *Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф.* Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.
- Кирчо 2015 — *Кирчо Л. Б.* Вклад Б. А. Литвинского в археологию эпохи бронзы Южного Туркменистана // Никоноров В. П., Алёшин В. А. (ред.). Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура. СПб.: Контраст, 2015. С. 748–764 (Записки Восточного отделения Российского Археологического общества. Нов. сер. Т. 3 (28); Тр. ИИМК РАН. Т. 45).
- Куфтин 1956 — *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. Т. 7. С. 260–290.
- Массон 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971. 208 с. (МИА. № 180).
- Массон 1987 — *Массон В. М.* Отчет о работах Илгынлинского отряда Каракумской экспедиции в осенний сезон 1987 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1987 г. Д. 53. 18 с.
- Массон 1989 — *Массон В. М.* Отчет о работах Каракумской экспедиции в осенний сезон 1989 г. на поселениях Алтын-депе и Илгынлы-депе // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1989 г. Д. 34. 25 с.
- Сарияниди 1963 — *Сарияниди В. И.* Керамические горны восточноанауских поселений // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 80–85.
- Сарияниди 1965 — *Сарияниди В. И.* Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 54 с., 27 табл. (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. БЗ-8, ч. 4).
- Соловьёва 2005 — *Соловьёва Н. Ф.* Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2005 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 634. 211 с.

- Соловьёва 2007 — *Соловьёва Н. Ф.* Отчет о результатах полевых исследований раннеземледельческого поселения эпохи энеолита Илгынлы-депе на юге Туркменистана, проведенных Илгынлынской археологической экспедицией ИИМК РАН в 2007 г. // НА ИИМК РАН. РО. КП-8484. 194 с.
- Соловьёва 2014 — *Соловьёва Н. Ф.* Отчет о результатах комплексных полевых исследований археологических памятников Алтын-депе и Ыылгынлы-депе на юге Туркменистана в 2014 г. Ч. 2 // НА ИИМК РАН. РО. КП-8484. 142 с.
- Соловьёва 2018 — *Соловьёва Н. Ф.* Отчет о результатах комплексных полевых исследований раннеземледельческого поселения эпохи энеолита Ыылгынлы-депе на юге Туркменистана в 2018 г. // НА ИИМК РАН. РО. КП-8484. 211 с.
- Соловьёва 2019 — *Соловьёва Н. Ф.* Обжигательные печи Ыылгынлы-депе периода раннего энеолита // ЗИИМК. 2019. № 20. С. 147–162.
- Хлопин 1960 (1961) — *Хлопин И. Н.* Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Массон М. Е. (отв. ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960 (1961). С. 134–224.
- Хлопин 1963 — *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л.: Наука, 1963. 30 с. 25 табл. (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. Б3-8, ч. 1).
- Хлопин 1964 — *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита: Опыт исторического анализа. М.; Л.: Наука, 1964. 172 с.
- Хлопин 1969 — *Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л.: Наука, 1969. 54 с., 26 табл. (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. Б3-8, ч. 3).
- Bernbeck, Pollock 2016 — *Bernbeck R., Pollock S.* Scalar differences: temporal rhythms and spatial patterns at Monjukli Depe, southern Turkmenistan // *Antiquity*. Vol. 90, iss. 349: P. 64–80. DOI: 10.15184/aqu.2015.197.
- Hiebert et al. 2003 — *Hiebert F. T with Kurbansakhatov K. et al.* A Central Asian Village at the Dawn of Civilization: Excavations at Anau, Turkmenistan. Philadelphia University of Pennsylvania Press, 2003. 238 p.
- Schmidt 1908 — *Schmidt H.* The Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly R. (ed.). *Explorations in Turkestan, Expedition of 1904: Prehistoric Civilizations of Anau, Origins, Growth, and Influence of Environment*. Washington: Gisson Bros. Press, 1908. Vol. 1, pt. 2, ch. 6. P. 83–120 (Carnegie institution of Washington. Publication no. 73).
- Schönicke 2019 — *Schönicke J.* The Fire Installations from Monjukli Depe: Indicators for Social and Technological Change // Pollock S., Bernbeck R., Ögüt B. (eds.). *Looking closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014*. Leiden: Sidestone Press, 2019. Vol. 1. P. 163–190.

FIRE IN THE LIFE OF EARLY FARMERS OF SOUTH TURKMENISTAN

N. F. SOLOVYOVA, J. K. BLOKHIN

Keywords: *South Turkmenistan, early farmers, Eneolithic, fire, ritual, household.*

The paper offers a typology of fire-making places on the Eneolithic sites of South Turkmenistan that were left behind by early farmers. The study is based on the analysis of a large corpus of data accumulated during the last 100 years. The authors outline the main directions for further interpretation of the available evidence.